

Владимир Шигин

Герои эпохи ПЕТРА

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ МОРЯКОВ

Жизнь замечательных моряков

Владимир Шигин
Герои эпохи Петра

«Горизонт»

2015

Шигин В. В.

Герои эпохи Петра / В. В. Шигин — «Горизонт», 2015 — (Жизнь замечательных моряков)

В книге известного писателя-мариниста капитана 1 ранга Владимира Шигина представлены литературно-документальные очерки о жизни и подвигах российских моряков эпохи Петра Великого, те, кого историки именуют «птенцами гнезда Петрова». Среди героев книги «первый охотник» (доброволец) российского флота, герой Эзельского сражения, создатель Морского устава и один из первых российских военно-морских разведчиков Конон Зотов. Исследователь Каспия и Сибири, осужденный на вечную каторгу, но ставший впоследствии сенатором, адмирал Соймонов. Отдельный очерк посвящен истории создания и службы последнего любимого детища Петра Великого линейного корабля «Петр Первый и Второй», которой мог бы стать первым в мире мемориальным кораблем.

© Шигин В. В., 2015

© Горизонт, 2015

Содержание

Моряки петровского флота	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Владимир Виленович Шигин

Герои эпохи Петра

Правообладатель: Горизонт

Моряки петровского флота

Чтобы понять, как жили моряки русского флота в XVIII веке необходимо, прежде всего, знать, что представлял собой морской офицерский корпус. Во все времена на всех флотах мира именно офицеры определяли лицо флота, его традиции. В первый период существования российского флота дворянство шло туда крайне неохотно, под всеми предложениями предпочитая перевестись в армию. Разумеется, как всегда были энтузиасты и романтики, но большинство кораблей просто боялось. Так, обучавшийся в 1711 году в Голландии навигатор князь М. Голицын писал брату своей жены, чтобы тот ходатайствовал перед генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным об отзыве его на Родину. А если подобное не случится, тогда «от той науки нас морехотцкой отставить, а чтобы учитьца какой-нибудь сухопутной». Нелюбовь дворян к морскому делу вполне объяснима, ведь Петр Первый требовал от навигаторов с целью привития практических навыков и умений по управлению кораблём большую часть времени, проводить в море, а это выросшим в барской неге отрокам, прямо скажем, не нравилось.

Сам Петр Первый, хорошо знавший настроения, имевшие место среди дворян, по отношению к морской службе, выразился на сей счет как всегда точно: «При даровом хлебе без принуждения служить не будут». Недаром дворяне в 1730 году, при вхождении герцогини Курляндской Анны Иоанновны на русский трон, единодушно просили у нее полного освобождения от морской службы, на что императрица Анна, кстати, не согласилась. Для лучшего понимания сложившейся ситуации достаточно вспомнить хотя бы хорошо известный телефильм «Табачный капитан».

При этом многие богатые люди стремились откупиться от флота, ежегодно выплачивая государству значительные суммы. Некоторые аристократы, для того чтобы только уволиться с постылой для них морской службы, соглашались даже строить на собственные деньги дорогостоящие административные сооружения. К примеру, 4 ноября 1718 года Адмиралтейств-коллегия приговорила: «За долговременное, будучи за морем морского плаванья на обучение князя А. М. Гагарина из матросов отставить, и за то, построить на адмиралтейском острове палаты». Как говорится, хоть шерсти клок...

Дети многих «знатных особ», понимая, что с морской службы при Петре I никаким законным путём не уволиться, стремились в Адмиралтействе, в первую очередь, определиться на береговые должности. В целом, назначение во флот ими рассматривалось, как несчастье, и тверские, владимирские, ярославские и прочие дворяне из внутренних уездов страны не знали «какому святому молиться об избавлении от морской службы». Это отвращение было так сильно, что при преемниках Петра Великого в морские офицеры шли почти исключительно самые бедные, большей частью беспоместные и бескрестьянные однодворцы, то есть представители дворянских низов.

Что же представлял собой офицерский состав парусного русского флота в XVIII-XIX веках? Первую категорию составляли собственно флотские офицеры – наиболее привилегированная часть, состоявшая в основном из дворян. Отдельно стояли офицеры морской артиллерии и офицеры-штурмана. На каждом парусном судне русского флота от линейного корабля до посыльного бригаа офицеры были распределены в определенной должностной иерархии. Разумеется, что на больших судах первого и второго рангов имелся полный комплект должностей, на мелких же он был меньшим, как по количеству, так и по чинам.

Первым по должности на любом судне являлся капитан, которого позднее стали именовать командиром. Второй по должности был капитан-лейтенант. В отличие от капитанских обязанностей, согласно устава, собственных обязанностей у него было не так уж много. Петровский устав гласил, что он «тоже бремя повинен носить, что и капитан..., однако ж, как и другие офицеры, должен он слушать своего капитана.» Во время боя капитан-лейтенант распоряжался

на нижнем деке, то есть в относительно самом безопасном месте. Сделано это было для того, чтобы в случае гибели или ранении капитана он был в состоянии принять на себя командование судном. Во время плавания капитан-лейтенант руководил штурманами, и был обязан всегда знать, в каком месте находится судно, если плавание проходило в составе эскадры, отвечал за удержание места в строю. Помимо всего этого капитан-лейтенант исполнял постоянные поручения капитана. Именно через него командир судна общался с командой и через него передавал свои указания.

Старший (или первый) лейтенант был определен петровским уставом, как «третий командир на судне». По этой причине он подчинялся только первым двум – капитану и капитан-лейтенанту. Старший лейтенант был обязан присутствовать с капитаном на осмотрах судна, вести роспись матросам по вахтам и на случай боя, лично осматривать судно ночью. Он отвечал за откачку воды из трюма, разбирался со всеми происшествиями на вахтах, присматривал за всякой корабельной работой, следил за режимом прохода на судно и сходе с него, содержал у себя шканечный журнал и все навигационные инструменты, отвечая за их сохранность и исправность. Помимо всего прочего старший лейтенант являлся начальником первой вахты, которая, по обычаю, должна была быть образцом для остальных двух.

Остальные лейтенанты судна (их, как правило, было от двух до четырех) командовали вахтами и являлись вахтенными начальниками. Кроме этого в бою, каждый из них назначался командиром артиллерийской палубы на время боя.

Мичманы заведовали отдельными мачтами и являлись помощниками начальников вахт. Морской устав трактовал их обязанности так: «Мичманы должны быть по своим местам, где они определены будут от командира корабля и указ капитанской и прочих обер-офицеров исполнять и помогать в укладке в корабль всяких вещей, также держать журнал, как и штурманы». Согласно петровскому уставу мичман был обязан для получения чина лейтенанта проплавать на море семь лет. Мичмана российского флота весьма отличались от мичманов, к примеру, английского флота. Если у англичан мичманами были забранные от родителей 12-летние мальчишки, которые занимали положение промежуточное между офицерами и матросами, учась всему сами, то у нас мичмана являлись полноценными офицерами и имели прекрасную теоретическую и морскую подготовку, так как все без исключения являлись выпускниками морского кадетского корпуса, отучившись там по 5–7 лет.

Что касается гребного флота, то в комплектовании команд он существенно отличался от флота корабельного. Обычно на каждой галере находилось до 60 человек палубной команды (офицеры, матросы и артиллеристы), полторы сотни солдат абсордажных команд и 250 гребцов. Командирами галер Петр Первый назначил, как правило, опытных галерных капитанов с флотов средиземноморских держав, а в помощники ставил к ним офицеров Преображенского и Семёновского полков. При этом, как правило, подавляющее большинство команды на галерах имели минимальный опыт морской службы. Это считалось нормальным явлением, т. к. галеры действовали непосредственно у побережья, и нескольких опытных моряков было достаточно, чтобы править судном и работать с парусами.

На русских галерах в отличие от других флотов, где в качестве гребцов использовались невольники, а солдаты пехотных полков. Это давало значительное преимущества. Во-первых, солдаты гребли не из-под палки, а выкладываясь на совесть. Во-вторых, в случае абсордажа, они так же брали в руки оружие и присоединялись к штатной абсордажной партии, сразу же создавая значительный численный перевес над противником.

* * *

Весьма своеобразным при Петре было и производство морских офицеров в чины. Дело в том, что Петром Первым с момента создания флота, этот порядок не был четко определен.

Он начал устанавливаться лишь с 1706 года, а с 1714 года кроме определенного срока выслуги в каждом чине для повышения была введена баллотировка, то есть тайное голосование офицеров-сослуживцев. В 1720 году Адмиралтейств-коллегия установила баллотировку до капитана 3 ранга (капитан-лейтенанта) включительно. Но затем было решено все же производить в чины по старшинству. В целом, с небольшими изменениями, этот порядок производства в чины сохранялся на флоте на всем протяжении XVIII века.

При производстве в чин неукоснительно соблюдались основные правила: «удостоение» начальства на производство кандидата и наличие вакансии; однако эти правила вступали в силу лишь при положительном исходе баллотировки. Баллотировка представляла собой сдачу экзаменов комиссии, в состав которой входили опытные капитаны и флагманы. Голосование: присваивать или не присваивать следующий чин решался тайно. Каждый из экзаменаторов опускал в урну один из двух имевшихся у него шаров, белый (за присвоение) и черный (против присвоения). Так как количество членов комиссии всегда было нечетным, то председатель, вскрыв урну, и подсчитав количество белых и черных шаров, объявлял экзаменуемому приговор: произведен он в следующий чин, или нет.

Историк российского флота Ф. Ф. Веселаго: «Баллотировка, как средство справедливейшего выбора достойных к повышению в следующие чины офицеров, установлена в нашем флоте еще Петром Первым. Правила баллотировки, изменяясь в подробностях, сохранились до настоящего времени (имеются в виду 60-е годы XIX века – В. Ш.), в которое они получили некоторые улучшения и более правильный порядок. Так, например, младшие чины отстранены от баллотирования старших, уничтожены шары, выражающие „сомнение“, и оставлены только два разряда – достоин или недостоин. Баллотировать положено не во все чины, только в те, которые по обязанностям своим представляют значительную разницу, как например чины: капитан-лейтенанта, капитана и флагмана. Производство из гардемарин в мичмана и из мичмана в лейтенанты производили по экзамену; из лейтенантов в капитан-лейтенанты, из капитан-лейтенантов в капитаны и из капитан-командоров в контр-адмиралы по баллотировке. Старшинство офицеров производимых по баллотировке, определялось по количеству удовлетворительных шаров; и у кого было более трети неудовлетворительных, тот считался забаллотированным. Забаллотированные два раза отставлялись от службы с половинной пенсией или на инвалидном содержании, если они выслужили; но полной пенсии они лишались, хотя бы прослужили 40 и более лет. Для производства из гардемарин в мичмана кроме удовлетворительно выдержанного экзамена еще требовалось сделать пять морских кампаний; а при производстве из мичманов в лейтенанты – не менее 4 лет службы в чине. На открывающиеся вакансии флагманов половинное число производилось по царскому приказу и половина по баллотированию; в капитаны по царскому приказу производилась четвертая часть, в капитан-лейтенанты – шестая, а остальные по баллотировке».

На российском парусном флоте всегда существовала строгая иерархия заменяемости должностей. В случае смерти командира его должность принимал капитан-лейтенант (т. е. старший офицер или, попросту говоря, старпом). В случае его смерти старший (первый) лейтенант итак все офицеры один за другим по старшинству. Если же в бою погибали все офицеры, то команду над судном обязан был принять старший унтер-офицер, затем штурман, шкипер, констапель и, наконец, боцман. Если и последний погибал в жестоком сражении, в командование судном должен был вступить «любой на то годный».

Власть никогда не была щедра на жалование морякам. Из письма первых гардемарин, проходивших обучение в Испании: «И ныне мы подрядили себе квартиры, и содержимся одним хлебом и водою, и за тем не остается ничего, чем бы содержать рубашки, башмаки и прочие нужды. И во академии мы учимся солдацкому артикулу, и танцевать, и на шпагах биться, а математики нам учиться не возможно, для того что мы языку их не знаем. Мы же все во взрослых летах, о чем и его царское величество известен. И желаем быть в службе. А здесь мы у

командора своего просили многожды, чтобы нас послать на галеры и оной наш командор сказал что „его королевское величество содержит только шесть галер и те в Сицилии и определить де вас кроме академии некуда, понеже те галеры стоят заперты в порте от неприятеля, и не токмо де галеры, но и корабли мало ходят, и на галерах их гардемарин не“. Мы ж многократно просили, чтобы нам прибавили жалованья. И оной командор нам сказал что больше того нам жалованья не прибавят, и ко двору королевского величества писать позволения нам не дал, а сказал нам чтобы мы о всех своих нуждах просили у царского величества. И оным жалованьем нам содержаться невозможно, потому что мы другога места на все такой дороговизны не видали: о чем ваше сиятельство извольте осведомиться помимо нас. А гишпанские гардемарин содержатся не жалованьем, но больше прилагают от домов своих. А мы дворяне не богатые, от домов своих не только векселей, но и писем не получаем. И в венецианской службе были мы в крайнем убожестве, ежели бы житья там нашего продолжилось, могли бы от скудости пропасть; а ныне приключилась и здесь великая нужда, ничем не меньше прежней: первое, что голодны, второе, что имеем по одному кафтану, а рубашек и протчего нет. Всепокорно и слезно молим вашего сиятельства, умилосердись, государь, над нами, чтобы нам не пропасть безвременно. Соизволь доложить его царскому величеству, чтобы нам быть в службе, а не в академии, и определил бы его царское величество жалованьем, чем бы можно нам содержаться. Ежели мы будем многое число (время?) в академии, то практику морскую, которую мы приняли, можем забыть (а вновь ничего не присовокупим: понеже танцованье и шпажное учение ко интересу его царского величества нам не в пользу). Ежели к нам вашего сиятельства милосердия не явится, истинно, государь, можем от скудости пропасть. Умилостивись государь, над нами, понеже кроме вашего сиятельства помощи себе получить не можем».

Теоретически офицерам можно было улучшить свое материальное положение, получив земельный надел. Но сделать это удавалось далеко не всем, так как выделения земли рассматривалось, как награждение за особые заслуги, а потому массовым не была никогда. Вообще же, пожалование им деревень с крепостными крестьянами началось в 1711–1716 годах, но производилась весьма не часто и за конкретные подвиги, да и то лишь «по удостоению высшего начальства».

В большинстве случаев, для получения имений в собственность, офицеры обращались с просьбами («слёзно» и «рабски») к своему прямому начальнику, обосновывая необходимость получения земельной собственности, своей бедностью, и обязательством за себя и детей «до гроба верно служить» Его Величеств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.